Жанр баллады в хантыйской литературе

Е. В. Косинцева

*Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
Югорский государственный университет,
г. Ханты-Мансийск, Российская Федерация,
Kosintseva_elena@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. Статья входит в комплекс исследований жанровой специфики литературы и актуализирует жанровые особенности баллады в творческой практике хантыйских поэтов.

Цель: проанализировать специфику балладных форм в творчестве двух хантыйских поэтов Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова.

Материалы исследования: основу исследования составляют произведения балладного жанра в творчестве Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова.

Результаты и научная новизна. В статье впервые анализируются произведения балладного жанра, обнаруженные только в творчестве двух поэтов в истории хантыйской литературы – Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова. Образцов балладного жанра было выявлено меньше десятка, что свидетельствует о том, что жанр баллады не получил достойного развития в хантыйской художественной словесности. Анализ балладных форм Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова показал, что чаще всего их произведения строятся на сюжете и только у М. И. Новьюхова есть один образец, в котором сюжет заменён диалогом. Сочетание реального и фантастического ярко прослеживается в обращении поэтов к фольклорно-мифологической символике образов, во включении фольклорных традиций и религиозных представлений ханты в художественный текст. Мотивы тайны, смерти, двоемирие становятся обязательными компонентами балладного жанра Р. П. Ругина и М. И. Новьюхова. Темы свободы, войны/поединка, вопросы нравственного выбора являются сюжетообразующими в их балладах. Отметим, что не во всех произведениях поэты и переводчики сохраняют балладную строфу. В балладных формах хантыйских поэтов нашли отражение национальное мировидение и поэтические традиции русской литературы.

Ключевые слова: хантыйская литература, жанр, баллада, Р. П. Ругин, М. И. Новьюхов.

Для цитирования: Косинцева Е. В. Жанр баллады в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 1. С. 44–51.

The genre of a ballad in Khanty literature

E. V. Kosintseva

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Yugra State University,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation,
kosintseva_elena@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: the article is part of a complex of studies of the genre specifics of literature and actualizes the genre features of a ballad in the creative practice of Khanty poets.

Objective: to analyze the specifics of ballad forms in the works of two Khanty poets – R. P. Rugin and M. I. Novjuchov.

Research materials: the works of the ballad genre in the works by R. P. Rugin and M. I. Novjuchov.

Results and novelty of the research: for the first time the article analyzes the works of the ballad genre found only in the works of two poets in the history of Khanty literature – R. P. Rugin and M. I. Novjuchov. Less than a dozen samples of the ballad genre were identified, which indicates that the ballad genre has not received a decent development in Khanty art literature. The analysis of the ballad forms of R. P. Rugin and M. I. Novjuchov showed that most often their works are based on a plot. Only one sample of M. I. Novjuchov has the plot replaced by a dialogue. Combination of the real and the fantastic is clearly seen in the poets' appeal to the folklore and mythological symbolism of images, in the inclusion of folklore traditions and religious beliefs of the Khanty people in the literary text. The motifs of mystery, death, and world duality become mandatory components of the ballad genre of R. P. Rugin and M. I. Novjuchov. The themes of freedom, war / battle, and ethical dilemmas are the plot-forming in their ballads. The poets and translators do not preserve the ballad strophe in all their works. The ballad forms of the Khanty poets reflect the national worldview and poetic traditions of Russian literature.

Key words: Khanty literature, genre, ballad, R. P. Rugin, M. I. Novjuchov.

For citation: Kosintseva E. V. The genre of a ballad in Khanty literature // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric studies. 2021; 11 (1): 44–51.

Введение

Одной из актуальных проблем современного литературоведения является проблема жанровой формы. Этот вопрос важен и для хантыйской литературы, так как её жанровая система не становилась предметом специального углубленного изучения литературоведами. Вместе с тем художественная словесность ханты представляет богатую палитру жанровых форм. Одной из них является баллада.

Все справочные издания сходятся во мнении, что баллада – это лиро-эпическое произведение с сюжетом. Литературная энциклопедия уточняет: баллада – это «общее обозначение нескольких, различных по существу, жанров лирической поэзии, лишь до известной степени представляющих определённые стадии исторического развития одной и той же художественной формы» [12]. Среди особенностей этого жанра называются наличие сюжета, который может заменяться диалогом; сочетание реального и фантастического, лирического и эпического; необычный пейзаж, мотив тайны, наличие героев и другие. С развитием истории мировой литературы баллада меняла свои содержательные и формальные признаки, но сохраняла канон фольклорной баллады как неизменную принадлежность к жанру. В ней нашли отражение национальное мировидение и поэтические традиции времени.

Отечественными и зарубежными литературоведами жанр баллады исследован в самых различных аспектах: зарождение жанра в национальных традициях народов мира [10; 13; 22; 23; 24], бытование жанра в разные временные периоды [1; 7; 8; 14; 25; 26], особенности балладных форм в творчестве отдельных авторов [2; 6; 11; 19], рассмотрение баллады в сопоставительном контексте [3; 27], выявление специфики перевода баллады [9], раскрытие тематического своеобразия жанра [20] и др.

Учёные финно-угроведы так же обращали своё внимание на своеобразие балладной жанровой формы. Здесь стоит назвать Н. Ф. Голованову [4], С. П. Гудкову [5; 16; 21], О. Ю. Осьмухину [16], Е. В. Пивкину [5], Е. С. Роговера [17], С. Г. Шаронову [21].

Несмотря на то, что в науке сформировались представления о специфике жанра баллады (немалую роль в этом сыграли труды Ю. Н. Тынянова, М. М. Бахтина и А. Н. Веселовского), сегодня представляется актуальным осмысление жанровых особенностей баллады и характера их

трансформаций в творческой практике финно-угорских авторов.

В данной статье рассматривается своеобразие жанра баллады в творческом наследии хантыйских поэтов Романа Прокопьевича Ругина (1939–2016) и Матвея Ивановича Новьихова (1928–1992).

Материалы и методы

Материалом исследования послужили произведения балладной формы Р. П. Ругина из книги «Избранные стихи» (2004) и М. И. Новьихова, вошедшие в книгу «С надеждой на счастье» (2012). В работе использованы современные подходы к литературоведческому анализу художественного текста, историко-культурный и сопоставительный методы.

Результаты

В почти вековой истории хантыйской литературы к жанру баллады обратились только два поэта – Р. П. Ругин и М. И. Новьихов. Анализ корпуса их художественных текстов позволил выделить произведения этой жанровой формы, но стоит сразу оговориться, что таких образцов набралось меньше десятка. Это лишь указывает на то, что жанр баллады не получил достаточно широкого развития в хантыйской литературе.

Впервые о жанре баллады в истории хантыйской литературы заговорил Е. С. Роговер в книге «Изучение творчества Р. П. Ругина в школе» (2003). Анализируя творческое наследие хантынского поэта, учёный выделил две баллады и рекомендовал их для изучения в 9 классе – «Поединок» и «Баллада об орле».

Действительно, в поэтической мастерской Р. П. Ругина выделяется «Баллада об орле» (заметим, что и сам автор определил жанр своего произведения как балладный), которая входит в поэтической цикл «Мольбы природы». На русский язык произведение было переведено А. Вершинским. В нём автор следует традициям жанра, что проявляется в обращении к фольклору, мотиву смерти/гибели, характеристикам героя, сюжетной структуре.

Главным героем произведения становится орёл. Поэт не случайно выбирает героя баллады. Орёл – это универсальный символ, встречающийся в мифологиях разных народов мира, олицетворяющий духовное начало, божественную помощь, благословение и свободу. Даже в христианской традиции орёл является воплощением

божественной любви, справедливости, храбрости, духа, веры, возрождения. Об этом говорит и сам поэт в первых шести катренах, используя ретроспекцию:

Мальчишеской порой, в далёкие года
Увижу, как летит орёл ширококрылый, –
И робкая душа становится тверда,
Исполнившись в мечтах его небесной силы.

Чьё сердце не пленит величие орла,
Когда на свете нет могущественней птицы?
Распластывает он просторные крыла –
Влекомый вышиной без края, без границы. [18, 224]

Поэт актуализирует функцию орла как культурного героя, называя его богатырем, птичьим царём, акцентируя внимание на его силе, мощи, способности покорять два мира – небесный и земной, совмещать две стихии миротворения. Усиливая божественную составляющую образа, Р. П. Ругин говорит о традициях ханты почитать орла:

И человек не зря орла-богатыря,
В преданьях наделив судьбой необычайной,
Издревле почитал как Птичьего Царя,
Владевшего досель неведомою тайной.

А мой народ его признал как божество,
Хранящее очаг с отеческой любовью.
Спокойствие несло могущество его
Богатому жилью и нищему становью.

Обиды от людей не ведали орлы –
Герои вековых распевов и сказаний.
Ведь освящал дома, их красные углы,
Животворящий дух орлиных изваяний. [18, 225]

Именно с этим героем поэт связывает и тайну. Общая характеристика, данная в первых шести катренах, погружает читателя в мир древней культуры, в которой гордые птицы хранили людей и те платили им уважением и поклонением. Это своеобразная экспозиция, подводящая к основному развитию событий. В следующих девяти катренах события развиваются динамично, Р. П. Ругин даёт совсем другую зарисовку отношения людей к орлу. Мы видим раненную птицу (прострелено крыло), которую привязали верёвкой к колу и никто не спешит оказать ей помощь, только «<...> дети, хохоча, швыряют сгоряча / В пернатого царя огрызки, рыбы кости – / Презрительно в ответ глядит он, клекоча, / Лишь землю иногда когтит в

бессильной злости. / И грозно, тяжело косится на крыло. / Прислушайся к его болезненному стону – / В нем тщетная мольба, чтоб небо помогло, / Взлететь и заскользить, как в старь, по небосводу» [18, 225]. Е. С. Роговер отмечает, что «Поэт вызывает у читателя ряд ассоциаций со стихотворением А. С. Пушкина «Узник» и другим орлом, вскормленным в неволе. Но если в стихотворении А. Пушкина «верный товарищ», машущий крылом, вызывает сочувствие единомышленника, его сострадание, то ныне ситуация в произведении Ругина меняется. Над царём смеются, потешаются дети, как над осмеянным Пророком в стихотворении М. Лермонтова «Пророк»» [17, 109].

Поэт не сдерживает своих эмоций, когда видит такую картину, а виновника беды орла именует негодяем. Этот фрагмент текста показывает и сохранность древних традиций этноса, и изменение мировоззрения народа. Мы видим, что традиции предков ушли в забвение, поэтому и нет трепетного отношения к раненной священной птице. Кануло в прошлое то, о чём рассказывал поэт в начале текста.

Несмотря на то, что автор показывает плененного и беспомощного орла, мы ощущаем и его злость, и мольбу о помощи, и стремление вернуться в родное пространство. Унижения и муки оскорбленной птицы усиливает особая ритмическая организация текста: шестистопный ямб с пиррихием. Сила гордой птицы в её воле и стремлении к свободе. И здесь «пернатый полонянин» сохраняет те древние черты, о которых сообщали старинные предания:

Но глух небесный свод, и явственен исход,
И пленник, потеряв последнее терпенье,
Повисшее крыло в отчаянье клюет,
Да так, что брызжет кровь, пятная оперенье.

Ворочаясь, крутясь, расшвыривая грязь,
Неволей тяготясь куда сильней увечья,
Он плоть свою долбил – пока не поддалась
Истерзанная кость увечного предплечья.

Все силы истощив, от боли еле жив,
Наивный! Он и впрямь уверовал в свободу, –
Здоровое крыло с обрубленным сложив,
Надеялся взлететь навстречу небосводу. [18, 226]

Кровавая дань неволе заплачена гордым героем, но и мечту о свободе она не воплотила, не оправдала его надежды и веры в обретение свободы. Последние два катрена дают развязку

событиям. Безрезультатные попытки орла взлететь успеха не приносят: «С ночной темнотой, обманутый мечтой, / Он ткнулся головой в дорожные камни... / Не мог, наверно, жить в разлуке с высотой / Ни месяца, / ни дня, / ни часа, / ни мгновенья» [18, 226–227]. Так трагически завершилась история героя, который «Учился небом жить, а был землею ранен» [18, 226].

Мы видим, как мастерски Р. П. Ругин совместил древние традиции предков с историей из далёкого детства, объединил два мира, два времени в пределах одной истории, где главным действующим лицом стал орел, который сохранил базовые неизменные черты. Переводчик же поддержал авторский темп развития сюжета строфами-катренами с перекрестной рифмовкой, чередованием мужской и женской рифмы, шестистопным ямбом с пиррихией. Пытается он сохранить и балладную строфу: чётные и нечётные стихи каждой строфы различаются по количеству стоп, точнее в каждом чётном стихе находим одну неполную стопу.

Баллада Р. П. Ругина «Поединок», которая, по оценке Е. С. Роговера, является «одним из лучших произведений поэта», вошла в цикл «Моя земля – моя судьба». На русский язык её перевёл И. Фонаков. Поэт создаёт монументальный образ воина, вызывающего на поединок соперника. Героем произведения становится лось, в теле которого «нездешняя сила кипит» и который «вскинул зарю на рога». Его вызов на поединок заставляет замереть лес. Автор словно создает героя из древних преданий, спустившегося в этот лесной мир и стремящегося утвердить себя его хозяином. Не случайно выбрано и место поединка – мыс, оно словно определяет пограничную зону между мирами. Вызов принят и Р. П. Ругин описывает, как «грянул отчаянный бой». Последняя строфа произведения звучит поучительно: «Здесь вялых ничьих не бывает, / Здесь бьются, но после того / Лежачего не добивают, / Ногами не топчут его...» [18, 79]. Сюжет баллады вмещается в структуру (два катрена + октава + два катрена), которая поддерживает темп развития событий. Стиховая форма включает перекрёстную рифмовку, чередование женской и мужской рифмы, чередование трехстопного и двустопного амфибрахия и удачно передаёт все фазы напряженного действия, многоаспектно раскрывая художественный образ. И в этом произведении хантыйского поэта переводчик предпринимает попытку сохранить балладную строфу: каждый чётный стих короче нечётного на одну стопу.

В наследии другого хантыйского поэта М. И. Новьюхова тоже есть произведение, жанр которого как балладный определил сам автор – «Баллада о знамени». Обращение автора к знамени не случайно, ведь это символ, свидетельствующий о победе, завоевании, сплочении. Уже само название отсылает нас к теме войны. Три катрена (достаточно небольшой объём для баллады) наполнены динамичным событием. Поэт избегает предварений и сразу знакомит читателя со временем и местом действия: «Сырым туманным днём на поле боя / накрыл землянку вражеский снаряд, / и в ней погибло знамя полковое, / ранен был при знамени солдат» [15, 126]. Знамя в произведении – это символ достоинства героя, для которого его потеря страшнее ранения. Поэтому знаменосец из снятой натальной рубашки мастерит символ победы, окрашивая его собственной кровью: «И засверкала в воздухе туманном / она победной гордою зарей. / Под нею, как под знаменем багряным, / был враг разбит в атаке штыковой» [15, 126]. Обращает на себя внимание и мужество солдата, и его гражданская, воинская ответственность, и воля к победе. Герой, погруженный в мир войны, совершает поступок, продиктованный обстоятельствами и личной гражданской позицией. Интересно, что в 12 стихах, написанных пятистопным ямбом, поэт использует два оттенка красного цвета – кровавый и багряный. Повтор разных оттенков одного цвета в двух строфах усиливает семантику цветового символа (цвет олицетворяет жизнь, силу), которая гармонично дополняет символику знамени и усиливает общее героическое звучание текста. Стиховая форма включает перекрёстную рифмовку, чередование женской и мужской рифмы.

Тема войны получает развитие и в другом произведении М. И. Новьюхова «Слепой». Четырнадцать катренов с перекрёстной рифмовкой, чередованием женской и мужской рифмы, написанные чередующимся пятистопным и четырёхстопным хореем с пиррихией, создают особый эмоциональный фон. Драматический пафос подчеркивается прямыми оценками повествователя, который стал невольным свидетелем отношения окружающих к герою, потерявшему здоровье в военных конфликтах. Перед нами герой, ослепший воин, который «Никого он в жизни не обидел. / Как ты, жизнь, обидела его» [15, 126]. Жизнь героя разделилась на две части: когда он видел окружающий мир и когда все для него погрузилось во тьму. Автор примеряет на себя мир, в котором

живёт слепой: «Я глаза закрою на минуту – / страшно жить в минутной этой мгле» [15, 126]. Также разделились и люди в мире, на тех, кто не замечает слепого, просящего подаяние, и тех, кто ему сочувствует и оказывает посильную помощь. События произведения получают нравственное осмысление, автор выходит за границы повествования, говоря о равнодушии и чёрствости людей. И образ слепого помогает ему в этом. Последняя строфа завершается действием самого повествователя, который своим примером старается изменить отношение к слепому, чтобы хоть на мгновение расцветить его мир красками человеческого, гуманного отношения: «Он стоит с протянутой рукою / рубль последний отдаю ему, / и ему, страдальцу и герою, / от души, как брату, руку жму» [15, 126].

Необычную диалоговую форму изложения, которая заменяет сюжет, видим в произведении М. И. Новьихова «Ласточка». Это одно из немногих произведений хантыйского поэта, дата создания которого указана автором – 15 ноября 1963 года. Одним из участников диалога становится ласточка. Выбор поэта не случаен. В мифологических представлениях разных народов этот образ имеет обширную символику. Чаще всего ласточка выступает посредником между жизнью и смертью. Истоки этой семантики лежат в календарно-обрядовых действиях, связанных с приходом весны. Героиня же стихотворения М. И. Новьихова не только собирается улетать на юг вслед за подругами на исходе осени, но ещё и влетает в распахнутое окно. А ведь есть поверье, что влетающая в окно ласточка – к смерти. Мотив смерти усиливает выбор времени года – осень. Окно указывает и на разделение пространства / мира. Последняя строфа произведения сообщает, что героиня улетела в дальние края, а «косматый» снег закрыл дорогу до весны. Так через образы-символы поэт сохранил традиционные для балладной формы черты пространственного деления. Диалог ласточки с человеком, проявившим к ней сострадание (отогрел замерзающую птицу), даёт зарисовку реалий современной поэты жизни. Вопросно-ответная форма помогает размышлять о характере современного человека, искать причины людских бед, рассуждать о счастье и вере. Услышанное отталкивает птицу, заставляет её покинуть этот дом и край, искать покоя и гармонии в другом месте:

Да, ужасно глупо люди здесь живут.
Лучше полечу я в дальние края,
где на теплом юге ждет меня родня.
Может быть замерзну я в большом пути,
Но среди вас остаться не могу... Прости.
Душу надрывают ваши злость и стон,
что слышны все громче с четырех сторон...
[15, 133]

Текст представлен двумя разными строфами: первая содержит сорок стихов, вторая – четыре (катрен). Поэт использует в этом тексте параллельную рифмовку, мужскую рифму, пятистопный хорей с пиррихией. Сочетание фантастического и реального реализуется в тексте через саму форму диалога и образ ласточки с его фольклорно-мифологической символикой.

Обсуждение и заключение

Как видим, жанр баллады представлен в истории хантыйской литературы двумя поэтами – Р. П. Ругиным и М. И. Новьиховым. Балладные формы этими авторами чаще всего строятся на сюжете и только у М. И. Новьихова есть один образец, в котором сюжет заменён диалогом («Ласточка»). В текстах произведений мы видим сочетание реального и фантастического, особенно это ярко прослеживается в обращении поэтов к фольклорно-мифологической символике образов. Р. П. Ругин активно включает фольклорные традиции и религиозные представления ханты в свои баллады («Баллада об орле»). Тема войны и её последствий находит развитие в балладных формах М. И. Новьихова. Он же даёт характеристику современникам в своих произведениях. Мотивы тайны, смерти, двоемирия становятся обязательными компонентами хантыйских баллад. Оба поэта включают в повествование этические и нравственные проблемы, дают открытую оценку событию. Темы свободы, войны/поединка, вопросы нравственного выбора в центре баллад хантыйских поэтов.

Эпическое повествование в балладах Р. П. Ругина и М. И. Новьихова имеет широкую вариацию строфики, поэты отдают предпочтение мужской и женской рифме, разным двусложным и трёхсложным поэтическим размерам. Не во всех произведениях поэты и переводчики сохраняют балладную строфу. В хантыйских балладных формах нашли отражение национальное мировидение и поэтические традиции русской литературы.

Список источников и литературы

1. Александровская М. А. Становление жанра баллады в русской поэзии второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 159 с.
2. Бобрицких Л. Я. Эволюция балладных форм в поэзии Н. Гумилева: проблематика и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 18 с.
3. Бегичева О. В. Национально-историческая баллада в зеркале «бродячих» сюжетов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2019. Вып. 1(232). С. 190–196.
4. Голованова Н. Ф. Эволюция жанра баллады в эпической поэзии мордвы: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2009. 22 с.
5. Гудкова С.П., Пивкина Е.В. Жанровая природа баллады в теоретическом осмыслении отечественного литературоведения // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 2. С. 104–108.
6. Ермоленко С. И. Баллада М. Ю. Лермонтова в истории русского балладного жанра: дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1983. 221 с.
7. Жигачева М. В. Эволюция жанра баллады в русской поэзии 60–80-х годов XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 16 с.
8. Иванов В. А. Русская литературная баллада 1840–1890-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2000. 217 с.
9. Исаева Н. А. Проблема формирования переводческих норм в жанре баллады: на материале переводов В. А. Жуковского англо-шотландских баллад: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 25 с.
10. Ковылин А. В. Русская народная баллада: происхождение и развитие жанра: дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 241 с.
11. Кузьменкова Е. В. Баллады А. С. Пушкина: Фольклорные и литературные источники текста: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2003. 19 с.
12. Литературная энциклопедия. В 11 т. / под ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарского. М.: Изд-во Коммун. академии, Советская энциклопедия, Худ. лит-ра. 1929–1939. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/500/Баллада (дата обращения: 12.02.2021).
13. Магомедова Р. М. Аварская баллада: общее и локально-особенное: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2008. 28 с.
14. Мухина З. И. Русская литературная баллада 1830-х – 1850-х годов: история и поэтика жанра: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. 163 с.
15. Новьихов М. И. С надеждой на счастье. Лирика. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 192 с.
16. Осьмухина О. Ю., Гудкова С. П. Баллада в современной отечественной поэзии: пути и характер трансформации жанровой формы // Научный диалог. 2019. № 8. С. 149–165.
17. Роговер Е. С. Изучение творчества Р. П. Ругина в школе. СПб.: Просвещение, 2003. 175 с.
18. Ругин Р. П. Избранные стихи. Екатеринбург: Средн.-Урал. кн. изд-во, 2004. 320 с.
19. Тимофеева Е. Д. Балладные традиции в ранней поэзии Н. С. Гумилева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3. Филология. 2019. Вып. 58. С. 11–23.
20. Ханинова Р. М. Баллада о войне в калмыцкой поэзии XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 194–206.
21. Шаронова С. Г., Гудкова С. П. Особенности балладной традиции в поэзии Ф. Сваровского. // Материалы XVI междуна. науч.-практ. конф. «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики». В 2 т. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2019. С. 101–104.
22. Юсупова Д. М. Баллада в поэзии народов Дагестана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 20 с.
23. Braun M. Methodisches zum Problem der Volksballade // Slavistische Studien. München, 1968. S. 314–330.
24. Fowler David C. A Literary History of die Popular Ballad. Durham, N.C.: Duke University Press, 1968. 352 p.
25. Katz Michael R. The Literary Ballad in Early Nineteenth-Century Russian Literature. London: Oxford University Press, 1976. 248 p.
26. Suchanek L. Rosyjska ballada romantyczna. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. 134 s.
27. The Singer and the Scribe: European Ballad Traditions and European Ballad Cultures /ed. Philip E. Bennett & Richard Firth (Internationale Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Literaturwissenschaft 75). Amsterdam & New York: editions Rodopi B.V., 2004. 223 p.

References

1. Aleksandrovskaya M. A. *Stanovlenie zhanra ballady v russkoy poezii vtoroy poloviny XVIII veka* [The formation of the ballad genre in Russian poetry of the second half of the XVIII century]. Moscow, 2004. 159 p. (In Russian)
2. Bobritskikh L. Ya. *Evolutsiya balladnykh form v poezii N. Gumileva: problematika i poetika* [Evolution of ballad forms in N. Gumilyov's poetry: problematics and poetics]. Voronezh, 2002. 18 p. (In Russian)

3. Begicheva O. V. *Natsional'no-istoricheskaya ballada v zerkale «brodyachikh» syuzhetov* [National-historical ballad in the mirror of «wandering» plots]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of the Adygea State University. Series 2. Philology and Art History], 2019, no. 1 (232), pp. 190–196. (In Russian)
4. Golovanova N. F. *Evolutsiya zhanra ballady v epicheskoy poezii mordvy* [The evolution of the ballad genre in the epic poetry of the Mordovian people]. Ulyanovsk, 2009. 22 p. (In Russian)
5. Gudkova S. P., Pivkina E. V. *Zhanrovaya priroda ballady v teoreticheskom osmyslenii otechestvennogo literaturovedeniya* [The genre nature of a ballad in the theoretical comprehension of Russian literary studies]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and education], 2015, no. 2, pp. 104–108. (In Russian)
6. Ermolenko S. I. *Ballada M. Yu. Lermontova v istorii russkogo balladnogo zhanra* [Ballad of M. Yu. Lermontov in the history of the Russian ballad genre]. Sverdlovsk, 1983. 221 p. (In Russian)
7. Zhigacheva M. V. *Evolutsiya zhanra ballady v russkoy poezii 60–80-kh godov XX veka* [Evolution of the ballad genre in Russian poetry of the 60–80s of the XX century]. Moscow, 1994. 16 p. (In Russian)
8. Ivanov V. A. *Russkaya literaturnaya ballada 1840–1890-kh godov* [Russian literary ballad of the 1840s–1890s]. Smolensk, 2000. 217 p. (In Russian)
9. Isaeva N. A. *Problema formirovaniya perevodcheskikh norm v zhanre ballady: na materiale perevodov V. A. Zhukovskogo anglo-shotlandskikh ballad* [The problem of the formation of translation norms in the genre of a ballad: on the material of V. A. Zhukovsky's translations of Anglo-Scottish ballads]. Moscow, 2011. 25 p. (In Russian)
10. Kovylin A. V. *Russkaya narodnaya ballada: proiskhozhdenie i razvitie zhanra* [Russian folk ballad: origin and development of the genre]. Moscow, 2003. 241 p. (In Russian)
11. Kuzmenkova E. V. *Ballady A. S. Pushkina: Fol'klornye i literaturnye istochniki teksta* [Ballads by A. S. Pushkin: Folklore and literary sources of the text]. Saratov, 2003. 19 p. (In Russian)
12. *Literaturnaya entsiklopediya. V 11 t.* [Literary Encyclopedia. In 11 vol.]. Ed. by V. M. Friche, A. V. Lunacharsky. Moscow: Izd-vo Kommunist. akademii, Sovetskaya entsiklopediya, Khudozh. Literatura Publ., 1929–1939. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_literature/500/Ballada (accessed February 02, 2021). (In Russian)
13. Magomedova R. M. *Avarskaya ballada: obshchee i lokal'no-osobennoe* [Avar ballad: the general and the special local]. Makhachkala, 2008. 28 p. (In Russian)
14. Mukhina Z. I. *Russkaya literaturnaya ballada 1830–1850 godov: istoriya i poetika zhanra* [Russian literary ballad of the 1830s–1850s: history and poetics of the genre]. Saratov, 1999. 163 p. (In Russian)
15. Novjukhov M. I. *S nadezhдой na schast'ye. Lirika* [With a Hope For Happiness. Lyrics]. Shadrinsk: Shadrinskiy Dom Pechati Publ., 2012. 192 p. (In Russian)
16. Osmukhina O. Yu., Gudkova S. P. *Ballada v sovremennoy otechestvennoy poezii: puti i kharakter transformatsii zhanrovoy formy* [A ballad in modern Russian poetry: ways and character of transformation of genre form]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialog], 2019, no. 8, pp. 149–165. (In Russian)
17. Rogover E. S. *Izuchenie tvorchestva R. P. Rugina v shkole* [Study of the creativity of R. P. Rugin at school]. Saint-Petersburg: Prosveshchenie Publ., 2003. 175 p. (In Russian)
18. Rugin R. P. *Izbrannye stikhi* [Selected poems]. Yekaterinburg: Sredn.-Ural. kn. izd-vo Publ., 2004. 320 p. (In Russian)
19. Timofeeva E. D. *Balladnye traditsii v ranney poezii N. S. Gumileva* [Ballad traditions in the early poetry of N. S. Gumilyov]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 3. Filologiya* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 3. Philology], 2019, no. 58, pp. 11–23. (In Russian)
20. Khaninova R. M. *Ballada o voyne v kalmytskoy poezii XX v.* [Ballad about the war in Kalmyk poetry of the XX century]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New Philological Bulletin], 2019, no. 1 (48), pp. 194–206. (In Russian)
21. Sharonova S. G., Gudkova S. P. *Osobennosti balladnoy traditsii v poezii F. Svarovskogo* [Features of the ballad tradition in the poetry of F. Svarovsky]. *Materialy XVI mezhdun. nauch.-praktich. konf. «Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki». V 2 t.* [Materials of the XVI International scientific and practical conference «Tatishchev's Readings: actual problems of science and practice». In 2 vol.]. Tolyatti: Volzhskiy universitet im. V. N. Tatishcheva Publ., 2019. pp. 101–104. (In Russian)
22. Yusupova D. M. *Ballada v poezii narodov Dagestana* [Ballad in the poetry of the peoples of Dagestan]. Moscow, 1993. 20 p. (In Russian)
23. Braun M. *Methodisches zum Problem der Volksballade*. Slavistische Studien. München, 1968. pp. 314–330. (In English)
24. Fowler David C. *A Literary History of die Popular Ballad*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1968. 352 p. (In English)
25. Katz Michael R. *The Literary Ballad in Early Nineteenth-Century Russian Literature*. London: Oxford University Press, 1976. 248 p. (In English)
26. Suchanek L. *Rosyjska ballada romantyczna*. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk: Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1974. 134 p. (In Polish)
27. *The Singer and the Scribe: European Ballad Traditions and European Ballad Cultures*. Ed. Philip E. Bennett & Richard Firth (Internationale Forschungen zur Allgemeinen und Vergleichenden Literaturwissenschaft 75). Amsterdam & New York: editions Rodopi B. V., 2004. 223 p. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косинцева Елена Викторовна, заместитель директора по научной работе, доцент, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 14 А, каб. 305), профессор Югорского государственного университета, доктор филологических наук.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218

ABOUT THE AUTHOR

Kosintseva Elena Viktorovna, Deputy Director on Scientific Work, Associate Professor, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (628011, Russian Federation, Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, Khanty-Mansiysk, Mira st., 14A, office 305), Professor of the Yugra State University, Doctor of Philological Sciences.

Kosintseva_elena@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6695-0218